

ФРЭННИ

И

ЗУИ

Дж. Д. СЭЛИНДЖЕР

Джером Дэвид Сэлинджер

Фрэнни и Зуи

«ЭКСМО»

1961

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сэлинджер Д.

Фрэнни и Зуи / Д. Сэлинджер — «Эксмо», 1961

ISBN 978-5-04-092477-6

Писатель-классик, писатель-загадка, на пике карьеры объявивший об уходе из литературы и поселившийся вдали от мирских соблазнов в глухой американской провинции. Его книги, включая культовый роман «Над пропастью во ржи», стали переломной вехой в истории мировой литературы и сделались настольными для многих поколений бунтарей: от битников и хиппи до представителей современных радикальных молодежных движений. Повести «Фрэнни» и «Зуи» по праву входят в золотой фонд сокровищницы всемирной литературы.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-092477-6

© Сэлинджер Д., 1961

© Эксмо, 1961

Содержание

Фрэнни	6
Зуи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дж. Д. Сэлинджер Фрэнни и Зуи

© М. Немцов, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Чуть ли не в духе Мэтью Сэлинджера¹, возраст один год, когда он навязывает сотрапезнику остывшую лимскую фасолину за обедом, я побуждаю своего редактора, наставника и (да помогут ему небеса) ближайшего друга Уильяма Шона², *genius domus*³ «Нью-Йоркера», любителя несбыточных ставок, покровителя неплодовитых, защитника безнадежно цветистых, неразумно скромнейшего из прирожденных редакторов-художников, принять эту довольно тощую на вид книжицу.

---

¹ Мэтью Сэлинджер (р. 1960) – сын Дж. Д. Сэлинджера и Клэр Дуглас, ныне американский актер телевидения, театра и кино (в частности, известный заглавной ролью в фильме «Капитан Америка», 1991).

² Уильям Шон (1907–1992) – главный редактор (1952–1987) журнала «Нью-Йоркер».

³ Гений дома (*лат.*), дух-хранитель домашнего очага.

Фрэнни

Хотя ярко светило солнце, субботнее утро опять требовало пальто – не плаща, как всю неделю, когда надеялись, что на важных выходных, когда играет Йель, погода будет такая же. Из двадцати-с-чем-то молодых людей, ожидавших на вокзале прибытия своих девушек поездом в десять-пятьдесят-две, только шесть-семь стояли на холодной открытой платформе. Остальные толпились простоволосыми дымными кучками в натопленном зале ожидания и беседовали так, что голоса их почти без исключения звучали школярски беспрекословно, точно каждый юноша, едва ему наставал черед вклиниться в беседу, прояснял раз и навсегда некий в высшей степени противоречивый вопрос, в коем весь остальной необразованный мир вызывающе – или же наоборот – барахтался много столетий.

Лейн Кутелл в плаще «Бёрберри»⁴, к которому, видимо, была пристегнута теплая подкладка, стоял среди тех шести-семи на открытом перроне. Хотя, скорее, стоял с ними – и не с ними. Уже минут десять, а то и больше он старательно держался подальше от их беседы, спиной опираясь на стойку с литературой «Христианской науки»⁵, руки без перчаток держал в карманах. Кашемировый шарф свекольного цвета сбился у него на шее и почти не грел. Вдруг – и довольно рассеянно – Лейн извлек правую руку из кармана и стал поправлять шарф, но не успел – передумал, той же рукой достал письмо из внутреннего кармана пиджака. И тут же принялся читать, не вполне закрыв рот.

Письмо было написано – отпечатано – на бледно-голубой почтовой бумаге. Вид у него был потертый, несвежий, словно из конверта его уже не раз извлекали и перечитывали:

Наверно вторник

Дорогой мой Лейн,

даже не представляю сумеешь ты это расшифровать или нет потому что гвалт в общаге какой-то невообразимый и я даже не слышу о чем думаю. Поэтому если я что-то напишу неправильно будь так добр по-доброму не обрати внимания. Кстати я послушалась твоего совета и в последнее время часто обращаюсь к словарю, поэтому если стиль испортился ты виноват. В общем я только что получила твое прекрасное письмо и люблю тебя вдребезги, до безумия и т. д., жду не дожусь выходных. Жалко что не получится поселить меня в Крофт-Хаусе, но мне вообще-то все равно где жить только бы там было тепло и без клопиков и мы виделись бы время от времени, т. е. каждую минутку. Я в последнее время схожу т. е. с ума. Я совершенно обожаю твое письмо, особенно часть про Элиота. Наверно я уже смотрю свысока на всех поэтов кроме Сафо. Я ее читала как безумная, и, пожалуйста, без пошлостей. Семестровую я может даже буду писать по ней если пойду на отличие и заставлю согласиться на такое этого недоумка которого мне назначили руководителем. «Киферея, как быть? Умер – увы! – нежный Адонис! Бейте, девушки, в грудь, платья свои рвите на части!»⁶ **Изумительно** же правда? И она все **время** так. Ты меня любишь? Ты в своем ужасном письме ни разу не сказал. Я тебя ненавижу когда ты безнадежно весь такой из себя мужчина и неконтактный (так пиш.?). Ну не совсем **ненавижу** а по складу своему против сильных молчаливых мужчин. Не то чтобы ты сильный но ты меня понял. Тут уже такой гам я даже не слышу о чем думаю. В общем я тебя люблю и

---

⁴ «Бёрберри» – английская фирма элитной одежды и аксессуаров, основана в 1856 г.

⁵ «Христианская наука» – протестантская секта, основанная Мэри Морс Бейкер Эдди (также Мэри Бейкер Гловер Эдди, 1821–1910) в 1866 г. сначала как движение, затем как самостоятельная церковь (1879). Основана на вере в духовное излечение от всех физических и духовных грехов и недугов с помощью Слова Христова.

⁶ Пер. В. Вересаева.

хочу отправить тебе это срочной почтой чтобы ты заранее получил если только найду марку в этом дурдоме. Люблю люблю люблю. А ты вообще знаешь что я с тобой за одиннадцать месяцев танцевала всего **дважды**? Не считая того раза в «Авангарде» когда ты был такой зажатый. Я наверно буду безнадежно стесняться. Между прочим я тебя убью если там гостей пропускать будут по очереди. До субботы, мой цветочек!!!

Люблю тебя очень,

ФРЭННИ XXXXXXXX XXXXXXXX

П.С. Папа получил из больницы рентгены и нам всем стало сильно легче. Это опухоль но не злокачественная. Я вчера вечером поговорила с мамой по телефону. Между прочим она передает тебе привет, поэтому насчет той пятницы можешь **расслабиться**. Вряд ли они даже слышали как мы вечером зашли.

П.П.С. В письмах тебе я наверно выгляжу такой неумной и придурочной. Почему? Раз-решаю тебе проанализировать. Давай попытаемся в эти выходные изумительно провести время. То есть не будем пытаться в кои-то веки проанализировать все до смерти, если можно, особенно меня. Люблю тебя.

ФРЭНСИС (ее знак)

Лейн на сей раз дошел почти до середины письма, когда его прервал – к нему вторгся, перешел его границу – дородного сложения юноша по имени Рэй Соренсон: ему хотелось выяснить, в курсе Лейн, о чем пишет этот гад Рильке, или как. И Лейн, и Соренсон ходили на «Современную европейскую литературу 251» (только для старшекурсников и дипломников), и на понедельник им задали четвертую «Дуинскую элегию». Лейн знал Соренсона только шапочно, однако лицо и поведение этого типа его смутно и недвусмысленно отталкивали, и он теперь убрал письмо и ответил, что не знает наверняка, но думает, что по большей части в курсе.

– Везуха, – сказал Соренсон. – Счастливый ты. – В голосе его звучал минимум живости, точно Соренсон подошел от скуки или раздражения, а не ради нормального разговора. – Господи, какая холодрыга, – сказал он и вытащил из кармана пачку сигарет. Лейн заметил вытертый – но глаз цеплял – след губной помады на лацкане Соренсонова верблюжьего пальто. Наверняка он там уже много недель, а то и месяцев, но с Соренсоном Лейн знаком не то чтобы очень, не тыкать же в это носом, – да и, говоря вообще, Лейну плевать. Кроме того, подходил поезд. Юноши повернулись как бы полувлево, к локомотиву. Почти сразу двери зала ожидания с грохотом распахнулись, и те, кто грелся внутри, повалили навстречу поезду: при этом казалось, будто у большинства в каждой руке минимум по три зажженные сигареты.

Когда поезд начал тормозить, Лейн и сам закурил. Затем, уподобляясь многим, кому, быть может, стоит выдать лишь весьма условное разрешение на встречу поездов, попробовал слить с лица какое бы то ни было выражение, что могло просто-напросто – и даже, наверное, живописно – выдать, как он относится к той, кого встречает.

Фрэнни вышла из поезда в числе первых – из вагона у дальнего, северного конца перрона. Лейн ее заметил сразу же, и, что бы ни пытался он сделать со своим лицом, рука его, что взметнулась ввысь, явила всю правду. Фрэнни эту руку – и его самого – заметила и преувеличенно замахала в ответ. На ней была шубка из стриженного енота, и Лейн, зашагавший к девушке быстро, однако с медленным лицом, подавляя возбуждение, рассудил, что он тут один, кто поистине *знает* шубку Фрэнни. Он вспомнил, что как-то раз в занятой у кого-то машине, нацеловавшись с Фрэнни за полчаса или около того, он чмокнул и отворот ее шубки, словно тот был совершенно желанным, живым продолжением Фрэнни.

– Лейн! – Она приветствовала его сердечно – уж ей-то ничего не пришлось напускать на лицо. Обхватила юношу руками и поцеловала. То был вокзальный поцелуй – сначала достаточно спонтанный, но в продолжении своем довольно сдержанный, отчасти вроде с неким даже

взаимосталкиванием лбами. – Ты получил мое письмо? – спросила она и добавила почти без передышки: – Ты же почти совсем заледенел, бедненький. Почему не ждал внутри? Ты письмо получил?

– Какое? – спросил Лейн, подхватывая ее чемодан. Темно-синий, с белой кожаной обвязкой – как полдюжины других, что как раз выносили из вагонов.

– Ты не *получил*? Я отправила в *среду*. О боже! Я даже сама на почту его отнесла...

– А, это. Да. Багажа больше нет? Что за книжка?

Фрэнни перевела взгляд на свою левую руку. Она держала книжицу в горохово-зеленом матерчатом переплете.

– Эта? Ой, это просто, – ответила она. Открыла сумочку, впихнула туда книжку и двинулась за Лейном по долгому перрону к стоянке такси. Взяла Лейна под руку и говорила сама *почти* всю дорогу – если не *всю*. Во-первых, что-то насчет платья в чемодане, которое нужно погладить. Сообщила, что купила очень миленький такой утюжок, как из кукольного домика, но забыла взять его с собой. Сказала, что, похоже, знала всего трех девушек в поезде – Марту Фаррар, Типпи Тиббетт и Элинор-как-то, с которой познакомилась сто лет назад, еще в интернате – в Экзетере или где-то. А все остальные в поезде, сказала Фрэнни, на вид очень такие Смиты, кроме двух абсолютно из Вассара и еще одной *абсолютнейше* из Беннингтона или Сары Лоуренс⁷. Та, что из Беннингтона-Сары-Лоуренс, как будто всю поездку просидела в сортире – лепила, рисовала или еще что-нибудь, или как будто у нее под платье трико надето. Лейн, шедший как-то слишком уж быстро, пожалел, что не вышло устроить Фрэнни в Крофт-Хаус – это, конечно, было безнадежно, – но он зато определил ее в такое славное уютное местечко. Маленькое, но там чисто и все такое. Ей понравится, сказал он, и Фрэнни мгновенно представились мебелишки, обшитые белой драпкой. В комнате три девушки, друг с другом не знакомые. Кто заселился первой, той и продавленная тахта, а остальным достанется двуспальная кровать с абсолютно невообразимым матрасом.

– Мило, – энергично сказала она. Иногда дьявольски трудно скрывать, как раздражает общая мужская неумелость, а в частности – неумелость Лейна. Ей вспомнился дождливый вечер в Нью-Йорке, сразу после театра, когда Лейн с подозрительным избытком тротуарного благородства позволил этому кошмарному дядьке в смокинге увести у себя из-под носа такси. Это-то еще ничего – то есть, *господи*, вот был бы ужас, если б она была мужчиной и ловила такси под дождем, – но она помнила этот кошмарный, очень злой взгляд, что Лейн бросил на нее, возвращаясь на свою тротуарную вахту. Теперь же, странно мучаясь от того, что вспомнила это и кое-что еще, Фрэнни пожалала локоть Лейна с напускной теплотой. Они сели в такси. Темно-синий чемодан с белой кожаной обвязкой отправился вперед, к водителю.

– Скинем там чемодан и прочее, прямо в дверях, а потом сходим поедим, – сказал Лейн. – Я помираю просто от голода. – Он подался вперед и сообщил водителю адрес.

– Ой как хорошо, что я приехала! – сказала Фрэнни, когда такси тронулось. – Я по тебе *скупала*. – Едва слова вылетели, она поняла, что вовсе не хотела так говорить.

И снова, угрызаясь, взяла Лейна за руку и туго, искренне сплела с ним пальцы.

Где-то через час оба сидели за сравнительно удаленным столиком в ресторане под названием «Сиклерз» – в центре, место крайне любимое главным образом интеллектуальной бахро-

---

⁷ Академия Филлипса в Экзетере – одна из наиболее известных и престижных школ-интернатов, находится в штате Нью-Хэмпшир, основана в 1781 г. Колледж (Софии) Смит – престижный частный колледж высшей ступени преимущественно для женщин в г. Нортхэмптоне, штат Массачусетс, основан в 1871 г. Колледж Вассара – престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк, основан в 1861 г. как женский. Беннингтонский колледж – частный колледж высшей ступени в г. Беннингтоне, штат Вермонт, основан в 1925 г. как экспериментальный гуманитарный колледж для женщин. Колледж Сары Лоуренс – престижный частный колледж высшей ступени в г. Бронксвилле, пригороде Нью-Йорка, основан в 1926 г. как женский колледж.

мой студенчества – более или менее теми же студентами колледжа, которые, учись они в Йеле или Гарварде, как-то слишком уж ненароком не устраивали бы свои свидания в «Мориз» или «Кронинз»⁸. «Сиклерз», можно сказать, единственный ресторан в городе, где стейки не «*вот таковой* толщины»: большой и указательный палец разводятся при этом на дюйм. «Сиклерз» – строго Улитки. «Сиклерз» – место, где студент и его подруга либо заказывают салатик оба, либо – как правило – оба не заказывают из-за чесночного соуса. И Фрэнни, и Лейн пили martini. Когда минут десять-пятнадцать назад принесли бокалы, Лейн свой пригубил, затем откинулся на спинку и кратко обозрел зал с почти зримым довольством на лице: он оказался (свято, должно быть, веря, что этого никто не оспорит) в правильном месте с безупречно правильной на вид девушкой; она не только необычайно хороша собой, но и, что еще лучше, не относится слишком уж категорически к тем, которые в кашемировых свитерах и фланелевых юбках. Фрэнни заметила эту краткую маленькую демонстрацию и восприняла ее как таковую – не больше и не меньше. Но по некоему старому и еще крепкому договору со своей душой она предпочла устыдиться того, что заметила, – и уловила это, и приговорила себя слушать воследовавший монолог Лейна с особым подобием внимания.

Лейн же теперь вещал, как человек, который говорит без передышки уже добрую четверть часа и полагает, будто нащупал такой темп, когда голос ему больше не изменит.

– В смысле, если выразиться грубо, – говорил он, – ему, скажем так, не хватает тестикулярности. Понимаешь? – Он риторически ссутулился, подаваясь к Фрэнни, своей внимательной слушательнице, и опираясь локтями по обе стороны martini.

– Чего не хватает? – переспросила Фрэнни. Сначала пришлось откашляться – так долго она вообще не открывала рта.

Лейн помедлил.

– Маскулинности, – сказал он.

– Это я поняла.

– В общем, таков был лейтмотив всего, так сказать, – то, что я пытался довольно тонко очертить, – сказал Лейн, не отступая от общей линии своего монолога. – Ну в смысле, *господи*. Я честно думал, что все с треском провалится в тартарары, а когда получил назад с этим зверским «отл.» футов шести в высоту, клянусь, я чуть наземь не грохнулся.

Фрэнни еще раз откашлялась. Очевидно, свой срок неподдельного внимания она отсидела до конца.

– Почему? – спросила она.

Лейн вроде как-то сбился.

– Что почему?

– Почему ты думаешь, что все бы с треском провалилось?

– Я же только что сказал. Только что закончил. Этот Бругман – большой спец по Флоберу. Ну, по крайней мере, я так считал.

– А, – сказала Фрэнни. Улыбнулась. Отхлебнула martini. – Великолепно, – сказала она, глядя на бокал. – Я так рада, что не двадцать к одному. Ненавижу, когда в них абсолютно только джин.

Лейн кивнул.

– В общем, кажется, работа у меня в комнате. Если на выходных получится, я тебе прочту.

– Великолепно. С удовольствием послушаю.

Лейн снова кивнул.

– В смысле, я ж не сказал ничего миропотрясающего, ничего такого. – Он поерзал на стуле. – Но... не знаю... мне кажется, я неплохо подчеркнул, из-за *чего* он так невротически

---

⁸ «Мориз» («Mory's Temple Bar») – частный клуб неподалеку от кампуса Йельского университета, основан в 1849 г. «Кронинз» («Cronin's Bar») – один из любимых баров гарвардских студентов, до конца 1950-х гг. располагался на Гарвард-сквер.

цеплялся за *mot juste*⁹. В смысле – с учетом того, что мы знаем сегодня. Не просто психоанализа и прочей белиберды, но определенно всего этого, до определенной степени. Понимаешь, да? Я никакой не фрейдист, но определенные вещи нельзя списать как просто фрейдистские с большой буквы. В смысле, до определенной степени, мне кажется, я был в полном праве отметить, что по-настоящему хорошие ребята – Толстой, Достоевский, *Шекспир*, елки-палки, – не цедили так слова, черт возьми. Они просто *писали*. Понимаешь? – Лейн глянул на Фрэнни с неким ожиданием. Ему казалось, она слушает с какой-то особой сосредоточенностью.

– Будешь оливку?

Лейн глянул на свой бокал, затем снова на Фрэнни.

– Нет, – холодно ответил он. – Хочешь?

– Если не будешь, – сказала Фрэнни. По лицу Лейна она поняла, что задала не тот вопрос. Что еще хуже – ей вдруг совсем расхотелось оливку и стало непонятно, зачем вообще *спрашивала*. Но когда Лейн протянул ей бокал, деваться было некуда – только принять оливку и с нарочитым удовольствием употребить. Затем Фрэнни достала из пачки Лейна сигарету, он дал ей огня и закурил сам.

После запинки с оливкой над столом повисло краткое молчание. Лейн его нарушил – лишь потому, что просто не умел не досказать анекдота.

– Этот Бругман считает, что мне надо эту зверскую работу опубликовать, – выпалил он. – Но я не знаю. – Потом, будто неожиданно вымотался – или, скорей, его истощили те запросы, что мир, жадный до плодов его интеллекта, к нему предъявляет, – он принялся ладонью растирать себе лицо с одной стороны, по ходу неосознанно и бесстыдно смахнув из уголка глаза слезу. – В смысле, критики по Флоберу и прочим парням – до черта, по дюжине за дайм. – Он подумал, как-то чуточку угрюмо. – Вообще-то, мне кажется, по нему не было по-настоящему изобличительных работ последние...

– Ты говоришь, как практикант. Вылитый.

– Извини? – с выверенным спокойствием поинтересовался Лейн.

– Ты говоришь, как вылитый практикант. Извини, но похоже. Честно.

– Да? И как же разговаривают практиканты, позволь осведомиться?

Фрэнни видела, что он раздражен – да еще как, однако в эту минуту, равно недовольная собой и злая на него, желала высказаться до конца.

– Ну, я не знаю, какие они тут, но у нас практикант – это такой человек, который ведет занятие, если нет постоянного преподавателя, или тот занят своим нервным срывом, или у стоматолога, или еще чего-нибудь. Обычно аспирант или как-то. В общем, если у тебя курс, скажем, по русской литературе, он заходит – в рубашке с воротничком на пуговках и полосатом галстуке – и давай где-то полчаса шпынять Тургенева. Затем, покончив с этим, совершенно *похоронив* для тебя Тургенева, принимается за Стендаля, или о ком он там пишет свою магистерскую. У нас на филологии где-то с десятков мелких практикантов бегают повсюду и вот так всех хоронят – они такие блистательные, что и рта не раскроют, извини за противоречие. То есть, начнешь с ними спорить, так у них столько *снисходительности* на...

– Какая, к черту, муха тебя сегодня... ты чего, а? Что с тобой вообще?

Фрэнни смахнула пепел с сигареты, затем придвинула пепельницу на дюйм поближе.

– Извини. Я просто ужас, – сказала она. – Я всю неделю такая *вредная*. Жуть. Я кошмарная.

– Но письмо ж у тебя совсем не вредное.

Фрэнни мрачно кивнула. Она рассматривала теплую солнечную кляксу – с покерную фишку – на скатерти.

---

⁹ Точное выражение (*фр.*). Французский писатель Гюстав Флобер (1821–1880), автор «Мадам Бовари» (1856), неоднократно заявлял о своем стилистическом перфекционизме и поисках «нужного слова».

– Пришлось напрячься, – сказала она.

Лейн открыл было рот, но возник официант – унести пустые бокалы.

– Еще хочешь? – спросил Лейн Фрэнни.

Ответа он не получил. Фрэнни смотрела на солнечную кляксу как-то очень пристально, будто собиралась в нее улечься.

– Фрэнни, – терпеливо – из-за официанта – произнес Лейн. – Еще мартини будешь, нет?

Она вскинула голову.

– Извини. – Посмотрела на пустые бокалы в руке официанта. – Нет. Да. Не знаю.

Лейн хохотнул, глядя на официанта.

– Так что? – спросил он.

– Да, пожалуйста. – Она вроде как встряхнулась.

Официант ушел. Лейн проводил его взглядом, затем посмотрел на Фрэнни. Не вполне закрыв рот, она выкладывала пепел на край чистой пепельницы, которую принес официант. За какой-то миг при взгляде на нее раздражение Лейна скакнуло. Вполне вероятно, он не переваривал и боялся любых признаков отчуждения в девушке, за которой так серьезно ухаживал. В любом случае, он, само собой, беспокоился: а вдруг муха будет кусать Фрэнни все выходные? Он вдруг подался к ней, распростер руки по столу, словно чтобы, ей-богу, все это разглядеть, но Фрэнни заговорила первой.

– Я сегодня паршивая, – сказала она. – Я сегодня просто никуда.

Она поймала себя на том, что смотрит на Лейна так, будто он посторонний, будто он рекламный плакат линолеума через проход в вагоне метро. В ней снова дрогнула капелька неверности и угрызений – похоже, это у нее день такой, – и Фрэнни отозвалась на эту капельку, протянув руку и накрыв ладонью руку Лейна. Но свою тотчас убрала и взяла из пепельницы сигарету.

– Я сейчас приду в себя, – сказала она. – Абсолютно обещаю. – Она улыбнулась Лейну – в каком-то смысле искренне, – и в тот момент ответная улыбка могла бы хоть немного отвратить некие события, коим суждено было случиться дальше, но Лейн был занят – сам напускал на себя отчуждение – и предпочел не улыбаться. Фрэнни затянулась.

– Если б не было так поздно и все такое, – сказала она, – и если бы я не решила идти на *отличие*, я бы, наверное, бросила филологию. Не знаю. – Смахнула пепел. – Меня просто уже так тошнит от педантов и этих самодовольных ниспровергателей, что хоть волком вой. – Она посмотрела на Лейна. – Извини. Я перестану. Честное слово... Просто если б у меня хоть какая-то сила духа была, я б вообще в этом году в колледж не вернулась. Не знаю. То есть, все это – сплошной такой фарс, что не верится.

– Блестяще. Поистине блестяще.

Сарказм его Фрэнни приняла как должное.

– Извини, – сказала она.

– Хватит уже извиняться, а? Тебе не приходит в голову, что ты как-то слишком уж *до черта* обобщаешь? Если бы все, кто преподает филологию, были такие великие ниспровергатели, всё бы совершенно иначе...

Фрэнни перебила его, но почти неслышно. Она смотрела поверх его темно-серого фланелевого плеча куда-то в стену зала.

– Что? – переспросил Лейн.

– Я говорю, я знаю. Ты прав. Я просто никакая, вот и все. Не обращай на меня внимания. Однако Лейн не мог так просто забыть спор, если тот не решился в его пользу.

– В смысле, черт, – сказал он. – Некомпетентные люди есть во всех сферах. В смысле, это же элементарно. Давай на минутку оставим этих чертовых практикантов. – Он посмотрел на Фрэнни. – Ты вообще меня слушаешь или как?

– Да.

– У вас же на этом вашем филологическом – два лучших специалиста в стране. Мэнлиус. Эспозито. Господи, хоть бы они *сюда* переселились. По крайней мере, они поэты, елки-палки.

– Не поэты, – ответила Фрэнни. – Отчасти потому-то все так и ужасно. То есть – не *настоящие* поэты. Они просто люди, которые пишут стихи, повсюду публикуются и порознь, и в антологиях, но они – не *поэты*. – Она умолкла – смутившись – и погасила сигарету. Уже несколько минут у нее с лица вроде бы сходила краска. Вдруг даже помада как-то побледнела на оттенок-другой, словно Фрэнни только что промокнула ее «клинексом».

– Давай не будем, – сказала она почти безжизненно, растирая в пепельнице окурков. – Я никакая. Я просто испорчу все выходные. Может, под моим стулом люк, я тогда возьму и провалюсь.

Подскочил официант и поставил перед ними по второму бокалу мартини. Лейн оплел пальцами – тонкими и длинными, всегда на виду – ножку бокала.

– Ничего ты не *портишь*, – тихо сказал он. – Я просто хочу понять, к чертовой матери, что творится. В смысле, нужно *что* – какой-нибудь зверской богемой оказаться или *сдохнуть*, елки-палки, чтобы стать *настоящим поэтом*? Тебе чего надо – ублюдка с кудрями?

– Нет. Давай оставим, а? Пожалуйста. Мне абсолютно паршиво, и у меня ужасно...

– Я был бы просто счастлив оставить – я был бы просто в восторге. Только скажи мне сперва, что такое *настоящий* поэт, а? Буду признателен. Честное слово.

У Фрэнни высоко на лбу слабо заблестела испарина. Это могло лишь означать, что в ресторане слишком жарко, или что у нее расстроен желудок, или что мартини слишком крепкие; как бы там ни было, Лейн, судя по всему, не обратил внимания.

– Я не *знаю*, что такое настоящий поэт. Давай уже *хватит*, а? Я серьезно. Мне очень как-то не по себе, и я не могу...

– Ладно, ладно – хорошо. Расслабься, – сказал Лейн. – Я всего лишь хотел...

– Но я вот что знаю, – сказала Фрэнни. – Если ты поэт, ты делаешь что-то красивое. То есть, должен, наверно, *оставить* что-то красивое, когда сойдешь со страницы и все такое. А те, о ком ты говоришь, не оставляют ничего, ничегошеньки красивого. Те, кто чуть получше, может, как-то и забираются тебе в голову и там *что-то* оставляют, – но лишь поэтому, лишь потому, что они умеют оставлять что-то, это ж не обязательно, господи боже, *стихи*. Может, это просто какой-нибудь занимательный синтаксический *помет*, извини за выражение. Как у Мэнлиуса, Эспозито и всяких таких бедолаг.

Лейн не торопясь закурил сам и только потом заговорил. Сказал:

– Я думал, тебе нравится Мэнлиус. Вообще-то с месяц назад, если я правильно помню, ты говорила, что он такой *душка* и ты...

– Мне он нравится. Но меня тошнит от того, что люди мне просто нравятся. Я молю Бога, чтобы встретить такого человека, которого можно уважать... Извини, я сейчас. – Фрэнни вскочила на ноги, сжимая сумочку. Девушка была очень бледна.

Лейн отодвинул стул и поднялся, несколько приоткрыв рот.

– Что случилось? – спросил он. – Ты себя нормально чувствуешь? Что-то не так или что?

– Я через секундочку вернусь.

Она вышла из зала, не спрашивая, куда пройти, будто с прошлых обедов в «Сиклерз» точно знала куда.

Лейн, оставшись за столом один, курил и скупно отпивал из бокала мартини, чтобы хватило до возвращения Фрэнни. То благополучие, что он переживал полчаса назад, – он сидит в правильном месте с правильной – ну, или на вид правильной девушкой, – теперь испарилось, уж это было ясно. Лейн посмотрел на шубку из стриженного енота, что как-то набекрень болталась на спинке стула Фрэнни, – эта же шубка Лейна всколыхнула на вокзале только из-за его к ней личной близости, – и рассмотрел ее разве что без отчетливой неприязни. Морщинки шелковой подкладки отчего-то вроде бы раздражали. Он отвел взгляд и уставился на ножку бокала

с мартини – судя по всему, Лейну было тревожно, он чуял какой-то смутный несправедливый заговор против себя. В одном не усомнишься. Выходные начинались чертовски странно. Но в тот миг ему случилось оторвать взгляд от стола и увидеть в зале знакомого – однокурсника с девушкой. Лейн чуть выпрямился на стуле и подтянулся лицом – совершенная мрачность и недовольство сменились тем, что бывает на физиономии человека, чья девушка просто отошла в сортир, а спутника оставила, как все девушки на свиданиях, в полной праздности, когда можно лишь курить и скучать, предпочтительно – скучать привлекательно.

Дамская комната «Сиклерз» величиной была почти с обеденную залу и в особом роде выглядела едва ли менее просторной. Служительницы не было, и, когда Фрэнни вошла, уборная вроде бы вообще пустовала. Фрэнни постояла миг на кафельном полу – будто на randevу явилась. Теперь весь лоб ее покрылся каплями пота, рот вяло приоткрылся, и она была еще бледнее, чем в ресторане.

Затем внезапно и стремительно Фрэнни нырнула в самую дальнюю и безликую из семи-восьми кабинок – по счастью, монетки за вход не требовалось, – закрыла за собой дверь и с некоторым трудом задвинула щеколду. Явно не обращая внимания на таковость¹⁰ того, что ее окружает, села. Очень плотно сдвинула колени, словно стараясь сжаться как можно туже, уменьшиться. Затем вдавила запястья в глаза так, будто хотела парализовать зрительные нервы и утопить все образы в черноте, подобной отсутствию всего. Вытянутые пальцы, хоть и дрожали – или потому, что дрожали, – смотрелись причудливо изящными и привлекательными. В такой напряженной, едва ли не утробной позе она просидела подвешенное мгновение – и не выдержала. Плакала Фрэнни добрых пять минут. Плакала, не стараясь подавить шум горя и смятения, конвульсивно всхлипывая горлом, как дитя в истерике, и воздух рвался сквозь частично сомкнутый надгортанник. Но когда в конце концов остановилась – просто остановилась, без всяких болезненных, ножом режущих вдохов, что обычно следуют за яростным выплеском-вплеском. Прекратила она так, словно в рассудке у нее мгновенно сменилась полярность – и незамедлительно умиротворила все тело. Лицо ее было исполосовано слезами, но вполне безжизненно, почти пусто; Фрэнни подняла с пола сумочку, открыла ее и вынула горохово-зеленую матерчатую книжку. Положила себе в подол – точнее, на колени – и посмотрела сверху; долго смотрела, словно для гороховой матерчатой книжки это лучшее место. Чуть ли не сразу она поднесла книжку к груди и прижала к себе – крепко и довольно кратко. Затем сунула обратно в сумочку, встала и вышла из кабинки. Умылась холодной водой, вытерлась полотенцем с полки наверху, заново подвела губы, причесалась и вышла.

По пути через весь зал к столику выглядела она сногшибательно – вполне вся такая *qui vive*¹¹, как и подобает на важных выходных в колледже. Когда она деловито, с улыбкой приблизилась, Лейн медленно поднялся, в левой руке – салфетка.

– Господи. Извини, – сказала Фрэнни. – Ты думал, я там умерла?

– Я не думал, что ты *умерла*, – ответил Лейн. Отодвинул ей стул. – Я не понял, что это было вообще. – Он вернулся на место. – У нас не так уж много времени, знаешь. – Он сел. – Ты как? У тебя глаза красноватые. – Вгляделся пристальнее. – Ты нормально или как?

Фрэнни закурила.

– *Теперь* – изумительно. Меня просто никогда в жизни так фантастически не *болтало*. Ты заказал?

– Тебя ждал, – ответил Лейн, пристально глядя на нее. – Что такое-то? Желудок?

¹⁰ Таковость (*санскр.* татхата) – нерасчлененный мир, подлинная природа вещей; обуславливает существование феноменального мира.

¹¹ Кто идет? (*фр.*), здесь: начеку.

– Нет. Да и нет. Не знаю, – сказала Фрэнни. Она глянула в меню, лежавшее у нее на тарелке, – не беря в руки, пробежала взглядом. – Мне только сэндвич с курицей. И, может, стакан молока... А ты себе заказывай, что хочешь. То есть улиток там, осьминогов, всякое такое. Осьминогов. Мне есть не очень хочется.

Лейн посмотрел на нее, затем выдул на тарелку тонкую, чрезмерно выразительную струйку дыма.

– Не выходные, а прямо настоящая цаца, – сказал он. – Сэндвич с курицей, елки-палки. Фрэнни рассердилась.

– Я не голодна, Лейн, – *извини*. Господи. Ну, пожалуйста. Ты заказывай, что хочешь, чего ты, а я поем, пока ты ешь. Не могу же я аппетит в себе разыграть лишь потому, что тебе так хочется.

– Ладно, ладно. – Лейн вытянул шею и подманил официанта. С ходу заказал сэндвич с курицей и стакан молока для Фрэнни и улиток, лягушачьи лапки и салат – себе. Когда официант отошел, Лейн глянул на часы и сказал:

– Нам, между прочим, надо быть в Тенбридже в час пятнадцать – час тридцать. Не позже. Я сказал Уолли, что мы, наверно, заедем выпить, а потом, может, все вместе двинем на стадион в его машине. Не против? Тебе же нравится Уолли.

– Я даже не знаю, кто это.

– Ты встречалась с ним раз двадцать, елки-палки. Уолли Кэмбл. Боже мой. Если ты с ним раз встретишься, то уж познакомишься...

– А. Помню... Слушай, только не надо меня *ненавидеть*, если я сразу не могу кого-то вспомнить. Особенно когда этот кто-то похож на всех остальных и говорит, одевается и ведет себя, как все остальные. – Фрэнни подавила в себе голос. Звучал он капризно и сварливо, и на нее накатила волна неприязни к себе, от которой – вполне буквально – лоб ее сразу вспотел снова. Но вопреки ее воле голос снова обрел силу. – Я не хочу сказать, что он кошмарный, ничего такого. Просто уже четыре года подряд, где бы я ни оказалась, везде вижу Уолли Кэмблов. Я знаю, когда они будут *чаровать*, знаю, когда они начнут как-нибудь очень гадко сплетничать про девушку из твоей общаги, знаю, когда они спросят, что я делала летом, знаю, когда они выдвинут стул, оседлают его и давай хвастаться эдак ужасно, ужасно спокойно – или же бахвалиться *знакомствами* эдак ужасно спокойно, *как бы между прочим*. Это неписанный закон: людям в определенной общественной или финансовой вилке можно хлестаться знакомствами, сколько пожелают, если только ляпнуть какую-нибудь кошмарную мерзость, едва произнесут имя, – что человек ублюдок, или нимфоман, или все время трескает наркоту, или *еще* какой ужас. – Она снова умолкла. Минуту посидела тихо, вертя в пальцах пепельницу и тщательно избегая смотреть в лицо Лейну. – Прости, – сказала она. – Дело не только в Уолли Кэмбле. Я придралась к нему, потому что ты о нем заговорил. И он похож на человека, который лето провел в какой-нибудь Италии.

– Прошлым летом, чтоб ты знала, он был во Франции, – сообщил Лейн. – Я понимаю, – быстро добавил он, – но ты же очень не...

– Хорошо, – устало произнесла Фрэнни. – Во Франции. – Вытащила из пачки на столе сигарету. – Дело не только в Уолли. Господи боже мой, да это может быть девушка. То есть, будь он девушкой – например, из моей общаги, – он бы все лето писал декорации в каком-нибудь захудалом театре. Или ездил на велосипеде по Уэльсу. Или снимал квартиру в Нью-Йорке и работал бы в журнале, в рекламной фирме. Таковы то есть *все*. Всё, что все делают, – оно такое, я не знаю, не то чтобы *неправильное*, или даже гадкое, или даже обязательно глупое. А просто такое крошечное и бессмысленное, и – огорчительное. А хуже всего, что если уйдешь в бегу или кинешься еще в какие-нибудь безумства – впишешься так же, как и прочие, только по-своему. – Она смолкла. Качнула головой – лицо совсем белое – и кратко дотронулась рукой до лба: вроде бы не столько проверить, есть ли испарина, сколько убедиться – будто она сама

себе родитель, – что нет жара. – Мне так странно, – сказала она. – По-моему, я схожу с ума. А может, уже сошла.

Лейн смотрел на нее с непритворной заботой – скорее заботой, нежели любопытством.

– Ты вся жуть какая бледная. Очень бледная, а? – произнес он.

Фрэнни покачала головой.

– Все в порядке со мной. Сейчас все будет хорошо. – Она подняла взгляд, когда официант подошел с их заказом. – Ой, а улитки у тебя такие красивые. – Она только поднесла к губам сигарету, но та уже погасла. – Куда ты спички дел? – спросила она.

Лейн поднес ей огонь, когда официант снова отошел.

– Ты слишком много куришь, – сказал он. Взял вилочку, лежавшую у его тарелки, но перед тем, как пустить ее в ход, снова посмотрел на Фрэнни. – Ты меня тревожишь. Я серьезно. Чего за чертовщина с тобой происходит последние пару недель?

Фрэнни глянула на него, затем одновременно пожала плечами и покачала головой.

– Ничего. Абсолютно ничего, – сказала она. – Ешь. Ешь своих улиток. Они отравы, когда остынут.

– Ты ешь.

Фрэнни кивнула и перевела взгляд на куриный сэндвич. Слабо накатила тошнота, и Фрэнни тут же подняла голову и затынулась.

– Как спектакль? – спросил Лейн, приступив к улиткам.

– Не знаю. Я не играю. Бросила.

– Бросила? – Лейн поднял голову. – Мне казалось, ты без ума от этой роли. Что произошло? Ее кому-то отдали?

– Нет, не отдали. Только моя была. Мерзость. Ох, это мерзость.

– Ну а так что случилось? Ты же не вообще с кафедры ушла?

Фрэнни кивнула и отпила молока.

Лейн сначала прожевал и проглотил, затем поинтересовался:

– Но, господи боже, почему? Я думал, театр этот зверский – твоя страсть. Ты ж только о нем и говорила...

– Просто бросила, и все, – сказала Фрэнни. – Мне стало неловко. Я вроде как стала таким мерзким маленьким себялюбцем. – Она подумала. – Не знаю. Вроде как вообще хотеть играть – такой дурной вкус. То есть – сплошное *ячество*. И я, когда играла, себя просто ненавидела после спектакля. Все эти я бегают кругом, такие ужасно *великодушные*, такие *сердечные*. Целуются со всеми, везде в гриме шастают, а потом стараются вести себя до ужаса естественно и дружелюбно, когда к тебе за кулисы приходят знакомые. Я просто ненавидела себя... А хуже всего, что мне обычно бывало стыдно играть в тех пьесах, где я играла. Особенно в летних театрах. – Она посмотрела на Лейна. – И роли у меня были хорошие, можешь на меня так не смотреть. Дело не в этом. Но мне было бы стыдно, если б, скажем, тот, кого я уважаю, – мои братья, например, – пришел и услышал, какие *реплики* я вынуждена говорить. Я обычно писала и просила не ходить на спектакли. – Она опять подумала. – Кроме Педжин в «Удалом молодце»¹² прошлым летом. То есть это было бы очень славно, вот только болван, который Молодца играл, все удовольствие портил. Был весь из себя такой лиричный – господи, как же он был лиричен!

Лейн доел улиток. И теперь сидел с подчеркнуто непроницаемым лицом.

– У него были великолепные отзывы, – сказал он. – Ты же мне сама, если помнишь, рецензии присылала.

---

¹² «Удалой молодец – гордость Запада» (1907) – пьеса ирландского драматурга, поэта, прозаика и фольклориста Джона Миллингтона Синга (1871–1909). Педжин (Маргарет) – одна из героинь пьесы, дочь трактирщика Майкла Джеймса Флаэрти, в которую влюбляется заглавный герой.

Фрэнни вздохнула.

– Хорошо. Ладно, Лейн.

– Нет, я в смысле, ты уже полчаса говоришь так, будто на всем белом свете здоровый смысл – только у тебя, и только у тебя есть хоть какая-то способность критически судить. В смысле, ведь если даже лучшие критики сочли, что этот человек играл великолепно, может, он великолепно играл, а ты не права. Такое тебе в голову не приходило? Ты же, знаешь ли, пока не достигла зрелого мудрого...

– Для просто таланта он был великолепен. А если хочешь играть Молодца правильно, нужно быть гением. *Нужно*, и все – что тут поделаешь? – сказала Фрэнни. Она чуть изогнула спину и, чуть приоткрыв рот, положила ладонь на макушку. – У меня голова так смешно кружится. Не знаю, что со мной такое.

– А *ты*, значит, гений?

Фрэнни опустила руку.

– Ай, Лейн. Прошу тебя. Зачем ты так?

– Я никак не...

– Я знаю одно – я теряю рассудок, – сказала Фрэнни. – Меня просто тошнит от я, я, я. Своего «я» и всех остальных. Меня тошнит от всех, кто хочет чего-то *достичь*, сделать что-нибудь замечательное и прочее, быть интересным. Это отвратительно – точно, *точно*. Мне плевать, что другие говорят.

Лейн воздел брови и откинулся на спинку – дабы лучше подчеркнуть то, что скажет.

– Ты уверена, что просто не боишься состязаться? – спросил он с напускным спокойствием. – Я не очень в этом разбираюсь, но вот спорить готов, что хороший психоаналитик – в смысле, по-настоящему компетентный – вероятно, решил бы...

– Я не боюсь состязаться. Все в точности наоборот. Неужели непонятно? Я боюсь, что *стану* состязаться – вот что страшно. Вот почему я бросила драму. И все это не становится правильным только потому, что я так кошмарно предрасположена принимать чужие ценности, и мне нравятся аплодисменты, и когда люди от меня в восторге. Вот чего мне стыдно. Вот от чего меня тошнит. Тошнит, что не хватает духу быть абсолютно никем. Тошнит от себя и всех остальных, которым хочется оставить какой-то всплеск. – Она помолчала, схватила стакан молока и поднесла к губам. – Я знала, – сказала она, ставя его обратно. – Вот еще новости. У меня зубы рехнулись. Они стучат. Позавчера чуть стакан не прокусила. Может, я сбрендила, ополоумела и сама не догадываюсь.

Вперед выступил официант – подать лягушачьи лапки и салат, и Фрэнни посмотрела на него снизу. Он, в свою очередь, посмотрел сверху на ее нетронутый куриный сэндвич. Спросил, не желает ли, быть может, леди поменять заказ. Фрэнни поблагодарила и ответила, что нет.

– Я просто очень медленная, – сказала она. Официант, человек немолодой, вроде бы задержал взгляд на ее бледном и влажном лбу, затем поклонился и отошел.

– Тебе не нужно на секундочку? – неожиданно спросил Лейн. Он протягивал ей сложенный белый платок. Голос его звучал сочувственно, по-доброму, хотя Лейн как-то извращенно пытался говорить как ни в чем не бывало.

– Зачем? Нужно?

– Ты потеешь. Не потеешь, а я в смысле, у тебя лоб немного в испарине.

– *Правда?* Какой кошмар! Извини... – Фрэнни подняла сумочку повыше, открыла и стала в ней рыться. – У меня где-то «клинекс» был.

– Возьми мой платок, бога ради. Ну какая разница?

– *Нет* – я люблю этот платок и не хочу его испаривать, – сказала Фрэнни. В сумочке у нее было тесно. Чтобы лучше видеть, Фрэнни принялась выгружать содержимое на скатерть, слева от ненадкусанного сэндвича. – Вот он, – сказала она. – Открыла пудреницу и торопливо, легко промокнула лоб «клинексом». – Господи. Я на призрака похожа. Как ты меня выносишь?

– Что за книжка? – спросил Лейн.

Фрэнни буквально подскочила. Окинула взглядом мешанину груза на скатерти.

– Какая книжка? – спросила она. – Эта, что ли? – Она взяла томик в матерчатой обложке и запихнула обратно в сумочку. – Я просто посмотреть с собой в поезде взяла.

– Так и давай посмотрим. Что это?

Фрэнни его будто и не услышала. Снова раскрыла пудреницу и посмотрела в зеркальце.

– Господи, – сказала она. После чего смахнула все – пудреницу, бумажник, счет из прачечной, зубную щетку, пузырек аспирина и позолоченную палочку для коктейлей – обратно в сумочку. – Не знаю, зачем я таскаю с собой эту палочку дурацкую, – сказала она. – На втором курсе мне ее на день рождения подарил один сусальный мальчик. Решил, что это такой прекрасный и одухотворенный подарок, наблюдал за мной, пока я разворачивала. Все время хочу выбросить, но просто не могу. Сойду с нею в могилу. – Она подумала. – Он ухмылялся и говорил, что мне будет фартить, если я ее всегда буду держать при себе.

Лейн принялся за лягушачьи лапки.

– Так а что за книжка-то была? Или это что, секрет какой-то зверский? – спросил он.

– Которая в сумке? – переспросила Фрэнни. Она смотрела, как Лейн разъединяет пару лапок. Затем вытащила сигарету из пачки на столе и сама прикурила. – Ох, я не знаю, – сказала она. – Ну, такая – называется «Путь странника»¹³. – Она мгновение посмотрела, как Лейн ест. – В библиотеке взяла. Про нее говорил этот, который ведет у нас в нынешнем семестре обзор религий. – Затянулась. – Она у меня уже много недель. Все забываю вернуть.

– Кто написал?

– Не знаю, – обронила Фрэнни. – Видимо, какой-то русский крестьянин. – Она все наблюдала, как Лейн ест лягушачьи лапки. – Имени своего он так и не говорит. Все время, пока рассказывает, не знаешь, как его зовут. Просто рассказывает, что крестьянин, что ему тридцать три года и у него усохла рука. И жена умерла. Дело происходит в девятнадцатом веке.

Лейн только что переключился с лягушачьих лапок на салат.

– Хорошая? – спросил он. – Про что?

– Не знаю. Чудная. То есть, в первую очередь, набожная. В каком-то смысле, наверное, можно сказать – ужасно фанатичная, но в другом смысле – и нет. То есть все начинается, когда этот крестьянин, странник, хочет узнать, что это значит в Библии, когда там говорят, будто нужно непрестанно молиться¹⁴. Ну, понимаешь. Не останавливаясь. В «Фессалоникийцах» или где-то¹⁵. Поэтому он пускается пешком по всей России – искать того, кто его сможет научить, как непрестанно молиться. И что при этом нужно говорить. – Фрэнни, по всей видимости, очень интересовало, как Лейн расчленяет лягушачьи лапки. Пока она говорила, взгляд ее не отрывался от его тарелки. – И с собой он носит лишь котомку с хлебом и солью. А потом встречается человека, которого называет «старец» – какой-то ужасно умный набожный человек, – и этот старец рассказывает ему про книжку, которая называется «Добротолюбие»¹⁶. Которую, очевидно, написало несколько ужасно умных монахов, которые как бы распространяли такой запаправду необычайный способ молиться.

– Не дергайтесь, – сказал Лейн паре лягушачьих лапок.

---

¹³ «Путь странника» – название английского перевода книги неизвестного русского автора «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» (вторая половина XIX в., 3-е издание – 1883), впервые вышедшего в 1931 г. с дополнением «Странник продолжает путь» (пятый, шестой и седьмой рассказы оригинальной книги, вышедшие в России в 1911 г.).

¹⁴ Еф., 6:18.

¹⁵ Фес. 5:17.

¹⁶ «Добротолюбие» (греч. «Филокалия») – антология прежде не издававшихся сочинений отцов православной церкви, издана в 1792 г. в Венеции. В 1793 г. в Петербурге был издан ее перевод Паисия Величковского с греческого на церковнославянский, в 1877-м – перевод Феофана Затворника на русский. Через «Добротолюбие» распространялась традиция Иисусовой («умной», «шепотной») молитвы.

– В общем, странник учится молиться, как велят эти очень мистические люди, – то есть все молится и молится, пока до совершенства не доходит и все такое. А потом идет дальше по всей России, встречается со всякими абсолютно великолепными людьми и рассказывает им, как молиться этим невообразимым способом. То есть вот это и есть вся книжка.

– Не хотелось бы упоминать, но от меня будет вонять чесноком, – сказал Лейн.

– Он в каком-то странствии встречает одну семейную пару, и вот их я люблю больше всех, про кого в жизни читала, – сказала Фрэнни. – Он идет по дороге где-то в глуши, с котомкой за спиной, а эти двое малюток бегут за ним и кричат: «Нищенкой! Нищенкой! Постой!.. Пойдем к маменьке, она нищих любит»¹⁷. И вот он идет с малютками к ним домой, и из дома выходит такая *по-честному* прекрасная женщина, их мать, вся такая хлопотливая, и наперекор ему помогает снять с него старые грязные сапоги, и наливает ему чаю. Потом домой возвращается отец – он, очевидно, тоже любит нищих и странников, и все они садятся ужинать. И пока они ужинают, странник спрашивает, кто все эти женщины, которые тоже сидят за столом, и муж отвечает, что это служанки, но едят они всегда с ним и его женой, потому что все они – сестры во Христе. – Фрэнни вдруг чуточку выпрямилась на стуле – как-то застенчиво. – То есть мне очень понравилось, что страннику захотелось знать, кто все эти женщины. – Она посмотрела, как Лейн намазывает маслом кусок хлеба. – В общем, странник остается ночевать, и они с мужем сидят допоздна и разговаривают об этом способе непрестанно молиться. Странник ему рассказывает, как. А утром уходит, и у него начинаются новые приключения. Он встречает всяких людей – то есть, на самом деле, про это вся книжка – и всем рассказывает, как надо по-особому молиться.

Лейн кивнул. Воткнул вилку в салат.

– Ей-богу, надеюсь, мы на выходных выкроим время, чтобы ты быстренько взглянула на эту мою зверскую работу – ну, я говорил, – сказал он. – Не знаю. Может, я вообще ни шиша с ней делать не буду – в смысле, опубликовать ее или как-то, – но я бы хотел, чтобы ты ее как бы проглядела, пока ты здесь.

– Хорошо бы, – сказала Фрэнни. Она посмотрела, как он намазывает маслом еще один кусок хлеба. – А тебе книжка, наверно, понравилась бы, – вдруг сказала она. – Она такая простая, то есть.

– Рассказываешь интересно. Ты не будешь масло?

– Нет, забирай. Я тебе не могу дать, потому что она и так просрочена, но ты, наверно, можешь тут сам взять в библиотеке. Наверняка.

– Ты этот чертов сэндвич даже не попробовала, – вдруг сказал Лейн. – А?

Фрэнни опустила взгляд к своей тарелке, словно та перед ней только что возникла.

– Сейчас попробую, – сказала она. Посидела с минуту тихо, держа сигарету в левой руке, но не затягиваясь, а правой напряженно обхватив стакан молока. – Хочешь, расскажу, как молиться по-особому, как старец говорил? – спросила она. – Это как бы интересно с какой-то стороны.

Лейн вспорол ножом последнюю пару лягушачьих лапок. Кивнул.

– Само собой, – сказал он. – Само собой.

– Ну вот, странник этот, простой крестьянин, все странствие начал, чтобы только понять, как это, по Библии, непрестанно молиться. И потом он встречается со старцем, с этим самым, сильно набожным человеком, я говорила, который много-много-много лет читал «Добротолубие». – Фрэнни вдруг умолкла – поразмыслить, упорядочить. – Ну, и старец перво-наперво говорит ему про Иисусову молитву. «Господи, помилуй». То есть она вот такая. И объясняет ему, что это для молитвы – лучшие слова. Особенно слово «помилуй», потому что оно такое огромное, может много чего означать. То есть не обязательно *помилование*. – Фрэнни

---

¹⁷ «Откровенные рассказы...», рассказ четвертый.

снова помолчала, размышляя. В тарелку Лейну она больше не смотрела – смотрела ему за плечо. – В общем, – продолжала она, – старец говорит страннику, что если будешь повторять эту молитву снова и снова – а сначала делать это нужно одними *губами*, – в конце концов молитва как бы сама заводится. Через некоторое время что-то *происходит*. Не знаю, что, но происходит, и слова совпадают с биением сердца, и после этого уже ты молишься непрерывно. И на все твое мировоззрение начинает воздействовать просто неимоверно, мистически. То есть в этом и весь *смысл* – ну, примерно. То есть ты это делаешь, чтобы все твое мировоззрение очистилось и появилось абсолютно новое представление о том, что вообще к чему.

Лейн доел. Теперь, когда Фрэнни опять умолкла, он откинулся на спинку, закурил и стал наблюдать за ее лицом. Она по-прежнему рассеянно смотрела вперед, над его плечом – казалось, едва осознавая, что он сидит напротив.

– Но дело в том – самое великолепное в том, что когда только начинаешь так поступать, даже *вера* не нужна в то, что делаешь. То есть даже если тебе ужасно неловко, все в порядке. Ты никого не *оскорбляешь*, ничего такого. Короче, когда только начинаешь, никто не просит тебя ни во что верить. Не нужно даже думать о том, что произносишь, сказал старец. Вначале нужно одно количество. А потом, уже позже, оно само становится качеством. Самостоятельно или как-то. Он говорит, такой чудной, самостоятельной силой обладает любое имя Бога – вообще любое имя, и это начинает действовать, когда его как бы заводишь.

Лейн несколько обмяк на стуле – курил, глаза внимательно сощурены, смотрел на Фрэнни. А ее лицо по-прежнему оставалось бледным, хотя временами, пока эти двое сидели в «Сиклерз», бывало и бледнее.

– Вообще-то смысл в этом абсолютный, – сказала Фрэнни, – потому что в буддистских сектах Нэмбуцу¹⁸ люди твердят «Наму Амида Буцу» – что значит «Хвала Будде» или что-то вроде, – и у них происходит то же *самое*. В точности то же...

– Полегче. Ты полегче давай, – перебил ее Лейн. – Во-первых, ты вот-вот пальцы обожжешь.

Фрэнни удостоила левую руку минимальнейшим взглядом и выронила остаток еще тлевшей сигареты в пепельницу.

– То же происходит и в «Облаке Незнания»¹⁹. Просто со словом «Бог». То есть просто повторяешь слово «Бог». – Она глянула на Лейна прямее, чем в прошедшие минуты. – То есть смысл в чем – ты когда-нибудь в *жизни* слышал такое чудо с какой-то стороны? То есть трудно просто взять и сказать, что это абсолютное совпадение, и всё, забыли, – вот в чем, по-моему, все чудо. По крайней мере, вот что так ужасно... – Она осеклась. Лейн нетерпеливо ерзал на стуле, а гримасу его – вздытые брови главным образом – Фрэнни отлично знала. – Что? – спросила она.

– Ты, что ли, и впрямь в такое веришь?

Фрэнни потянулась к пачке и вытащила сигарету.

– Я не сказала, что верю или не верю, – ответила она и обшарила взглядом стол в поисках спичек. – Я сказала, что это чудо. – Она приняла огонек от Лейна. – Я просто думаю, что это ужасно чудное совпадение, – сказала она, выпуская дым, – когда то и дело сталкиваешься с такими советами – то есть все эти по-настоящему умные и абсолютно нелиповые набожные люди все время говорят, что если твердить имя Бога, что-то *случится*. Даже в Индии. В Индии советуют медитировать на «Ом»²⁰, что вообще-то означает то же самое, и результат ровно тот же. Поэтому я что хочу сказать – тут нельзя просто рассудком отмахнуться, даже не...

---

¹⁸ «Нэмбуцу» (*яп.*) – сокращенная форма амидаистской мантры, означающей «Спаси нас, Будда Амида». Говоря вернее, это не секта, а религиозный акт.

¹⁹ «Облако Незнания» (вторая половина XIV в.) – трактат неизвестного английского монаха (вероятно – картезианца), наставление ученикам о молитве как интуитивном пути единения с Богом.

²⁰ «Ом» – основная мантра индуизма, слово власти, выражающее божественную силу и приносящее великую гармонию

– А каков результат? – резко спросил Лейн.

– Что?

– В смысле – *какой* результат должен быть? Все эти совпадения с ритмами сердца и прочая белиберда. Мотор станет шалить? Не знаю, приходило тебе в голову или нет, но ты себе можешь... да кто угодно может себе всерьез...

– Ты видишь Бога. Что-то происходит в абсолютно нефизической части сердца: индусы говорят, там живет Атман²¹, если ты какое-нибудь религиозоведение проходил, – и видишь Бога, вот и все. – Она застенчиво смахнула пепел с сигареты, слегка промахнувшись мимо пепельницы. Пальцами подобрала и положила внутрь. – И не спрашивай меня, кто или что такое Бог. То есть я даже не знаю, есть Он или нет. Я в детстве, бывало, думала... – Она замолчала. Подошел официант – убрал тарелки и вновь раздал меню.

– Хочешь десерта или кофе? – спросил Лейн.

– Я, наверно, просто молоко допью. А ты возьми, – сказала Фрэнни. Официант только что унес ее тарелку с нетронутой едой. Фрэнни не осмелилась на него взглянуть.

Лейн посмотрел на часы.

– Боже. У нас нет времени. Еще повезет, если на *матч* успеем. – Он поднял взгляд на официанта. – Мне, пожалуйста, только кофе. – Посмотрел, как официант уходит, затем подался вперед, выложил руки на стол, – совершенно расслабленный, желудок полон, кофе сейчас принесут, – и сказал: – Ну, все равно это интересно. Всякое такое... По-моему только, ты не оставляешь здесь никакого простора даже для самой примитивной *психологии*. В смысле, я думаю, все эти религиозные переживания имеют под собой весьма очевидное психологическое основание – ты понимаешь... Хотя интересно. В смысле, этого нельзя отрицать. – Он перевел взгляд на Фрэнни и улыбнулся. – Как бы то ни было. На тот случай, если я забыл упомянуть. Я тебя люблю. Я уже говорил?

– Лейн, ты извинишь меня еще разок на секундочку? – спросила Фрэнни. Она поднялась, еще не завершив вопроса.

Лейн тоже встал – медленно, глядя на нее.

– Все в порядке? – спросил он. – Тебя опять тошнит или что?

– Мне странно, и все. Я быстро.

Она живо прошла по обеденной зале – тем же маршрутом, что и раньше. Но у небольшого коктейль-бара в дальнем углу остановилась как вкопанная. Бармен, вытиравший насухо лафитник, посмотрел на нее. Она положила правую руку на стойку, опустила – склонила – голову и поднесла левую руку ко лбу, едва коснувшись его кончиками пальцев. Чуть-чуть покачнувшись, затем, потеряв сознание, рухнула на пол.

Фрэнни совершенно пришла в себя только минут через пять. Она лежала на тахте в кабинете управляющего, а рядом сидел Лейн. Лицо его, тревожно нависшее над ней, нынче располагало собственной примечательной бледностью.

– Ты как? – спросил он довольно больнично. – Лучше?

Фрэнни кивнула. На секунду зажмурилась – свет резал глаза, – потом вновь их открыла.

– Я должна спросить: «Где я?», да? – спросила она. – Где я?

Лейн рассмеялся.

– Ты в кабинете управляющего. Все несутся, ищут нашатырь и врачей, и чем бы тебя еще привести в чувство. Нашатырь у них, судя по всему, закончился. Ты как, а? Серьезно.

– Отлично. *Глупо*, но отлично. Я честно упала в *обморок*?

в тело и разум.

²¹ Атман – одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма, индивидуальное (субъективное) духовное начало.

– Не то слово. Грохнулась по-настоящему, – ответил Лейн. Взял ее руку в свои. – Что же с тобой такое, а? В смысле, ты говорила так... ну, знаешь... так безупречно, когда мы на прошлой неделе с тобой по телефону разговаривали. Ты сегодня не завтракала, что ли?

Фрэнни пожала плечами. Глаза ее обшаривали комнату.

– Так стыдно, – сказала она. – Кому-то по правде пришлось меня *нести*?

– Нам с барменом. Мы тебя как бы волоком сюда. Ты меня просто дьявольски напугала, честно.

Фрэнни задумчиво, не мигая, смотрела в потолок, пока ее держали за руку. Затем повернулась и свободной рукой как бы отогнула Лейну манжету.

– Который час? – спросила она.

– Да ну его, – ответил Лейн. – Мы не спешим.

– Ты же на коктейль хотел.

– Ну его к черту.

– И на матч опоздали? – спросила Фрэнни.

– Послушай, я же говорю – ну его к черту. Ты сейчас отправишься к себе в как их там... «Голубые ставни» и хорошенько отдохнешь, это важнее всего, – сказал Лейн. Он подсел чуточку ближе, нагнулся и поцеловал ее – кратко. Повернулся, глянул на дверь, затем снова на Фрэнни. – Сегодня будешь только *отдыхать*. И больше ничего не делать. – Очень недолго он гладил ее руку. – А потом, может, немного погодя, если хорошенько отдохнешь, я смогу как-нибудь подняться. Там же, по-моему, есть задняя лестница. Я выясню.

Фрэнни ничего не ответила. Смотрела в потолок.

– Знаешь уже как зверски долго? – спросил Лейн. – Когда тот вечер в пятницу был? Это же в начале прошлого месяца, нет? – Он покачал головой. – Не пойдет. Слишком долго без единого глотка. Если выразиться грубо. – Он пристальнее посмотрел на Фрэнни. – Тебе правда лучше?

Она кивнула. Повернула к нему голову.

– Только мне ужасно пить хочется. Мне можно воды, как ты думаешь? Это не очень сложно?

– Черт, да нет конечно! Тебе ничего будет, если я тебя на секундочку оставлю? Я, пожалуй, знаешь, что сделаю?

В ответ на второй вопрос Фрэнни покачала головой.

– Я пришлю кого-нибудь, чтобы тебе воды принесли. Потом найду старшего официанта и скажу, что нашатыря не надо, – и, кстати, расплачусь. Потом найду такси – чтобы ждало и нам не пришлось бегать его ловить. Может, несколько минут займет, большинство подбирают тех, кто на матч. – Он отпустил руку Фрэнни и поднялся. – Ладно? – спросил он.

– Отлично.

– Ладно, я сейчас вернусь. Замри. – И он вышел.

Фрэнни осталась лежать одна, вполне замерев, глядя в потолок. Губы ее задвигались, лепя беззвучные слова, – и двигаться не переставали.

Зуи

Наличествующие факты предположительно говорят сами за себя, но, я подозреваю, – чуточку вульгарнее, нежели фактам обычно свойственно. Для равновесия, стало быть, начнем с неувядающего и волнующего позорища – официального знакомства с автором. Я о введении, которое не только многословно и искренне так, что и во сне не приснится, но еще и довольно мучительным манером интимно. Если при должном везении это сойдет мне с рук, по воздействию своему оно сравнимо будет с принудительной экскурсией по машинному отделению, а я, экскурсовод, буду показывать дорогу в старомодном закрытом купальнике от «Янцена»²².

Переходим к худшему: предложить вам я собираюсь вообще-то не вполне рассказ, а нечто вроде домашнего кино в прозе, и те, кто уже видел отснятый материал, настоятельно мне рекомендовали не лелеять изоощренных планов касаясь его проката. Группа несогласных (а выдать сие – и привилегия моя, и головная боль) состоит из трех исполнителей главных ролей – двух женщин и одного мужчины. Ведущую актрису рассмотрим первой – она, пожалуй, предпочла бы краткое описание «апатичная и изоощренная особа». Ей представляется, что все бы ничего, если б я сделал что-нибудь с пятнадцати-двадцатиминутной сценой, в которой она несколько раз сморкается, – просто отчищал бы эту сцену, насколько я понимаю. Актриса утверждает, что наблюдать, как кто-то все время сморкается, отвратительно. Вторая дама актерского ансамбля, лохотенная сумеречная субретка, возражает, что я, так сказать, заснял ее в старом халате. Ни одна барышня (как, намекнули они мне, желательно их именовать) слишком уж визгливо не протестует против моих эксплуатационных поползновений. Вообще-то – по ужасно простой причине. Хоть мне и приходится несколько за нее краснеть. Им по опыту известно, что я ударяюсь в слезы при первом же резком слове или возражении. Однако с самым красноречивым призывом отменить постановку обратился ко мне исполнитель главной роли. *Ему* кажется, что сюжет вращается вокруг мистицизма, иначе – религиозной мистификации; как бы то ни было, он ясно дает понять, что здесь слишком нагляден некий трансцендентный элемент, который, по его мнению и к вящему его беспокойству, способен будет лишь ускорить, придвинуть день и час моего профессионального краха. По моему поводу уже качают головами, и любое непосредственно профессиональное употребление с моей стороны слова «господи» иначе как в виде знакомого и полезного американского междометия воспринято будет – точнее, упрочится – как наихудшая разновидность похвальбы знакомствами и верный знак того, что я иду напрямиком псу под хвост. Что, разумеется, способно вынудить любого нормального малодушного человека, а особенно – человека пишущего, – задуматься. И вынуждает. Но лишь задуматься. Ибо контрдоводы, сколь красноречивы бы ни были, хороши лишь постольку, поскольку применимы. Факт тот, что время от времени я снимаю домашнее кино в прозе с пятнадцати лет. Где-то в «Великом Гэтсби» (который в двенадцать был для меня «Томом Сойером») молодой рассказчик замечает, что все подозревают в себе наличие по меньшей мере одной из главнейших добродетелей, и далее говорит, что своей полагает, видит бог, честность²³. *Моя* же, сдается мне, в том, что я умею отличить мистическую историю от любовной. Я утверждаю, что нынешнее мое подношение – вовсе не мистическая история, не религиозно дурманящая история вообще. Я говорю, что это составная, иначе – множественная любовная история, чистая и сложная.

Сюжетная линия, чтоб уж закончить, по большей части – результат довольно нечестивых общих усилий. Почти все нижеследующие факты (следующие ниже медленно, *спокойно*) поначалу преподносились мне отвратительно разрозненными порциями и по ходу отчасти до

²² «Янцен» – американская компания по производству купальных костюмов, основана в 1910 г.

²³ Аллюзия на конец главы 3 романа американского писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда (1896–1940) «Великий Гэтсби» (1925).

жути частных – для меня – сессий тремя героями-исполнителями лично. Ни один из трех, вполне можно добавить, вовсе не проявил заметно грандиозного таланта к выбору деталей либо сжато изложению происшедшего. Недостаток, опасаясь я, который перенесется и на эту окончательную – иначе съемочную – версию. Не могу его извинить, к прискорбию своему, однако попробую объяснить и на сем настаиваю. Все мы вчетвером – кровные родственники и говорим на некоем эзотерическом семейном языке, изъясняемся чем-то вроде семантической геометрии, где кратчайшее расстояние между двумя точками – примерно полная окружность.

Одна последняя справка. Наша фамилия – Гласс. Еще чуть-чуть – и вы увидите самого младшего Гласса мужского пола за чтением необычайно длинного письма (кое воспроизведено здесь будет *полностью*, это я могу вам уверенно обещать), присланного ему старейшим из живущих его братьев, Дружком Глассом. Стиль письма, говорят мне, несет отнюдь не просто мимолетное сходство со стилем, иначе – письменной манерностью – вашего рассказчика, и широкий читатель, вне всякого сомнения, прыгнет к опрометчивому заключению, что мы с автором письма – одно лицо. Прыгнет-прыгнет – я боюсь, не прыгнуть тут не выйдет. Мы же отныне и впредь оставим этого Дружка Гласса в третьем лице. По крайней мере, я не вижу веской причины его отсюда изъять.

В половине одиннадцатого утра, в ноябрьский понедельник 1955 года Зуи Гласс, юноша двадцати пяти лет, восседал в очень полной ванне, читая письмо, которому исполнилось четыре года. На вид оно было едва ли не бесконечным – его напечатали на нескольких страницах желтой бумаги без всяких шапок, – и юноша с некоторым трудом удерживал его, подпирая двумя сухими островками коленей. Справа на краю встроенной в бортик эмалевой мыльницы в равновесии покоилась вроде бы подмокшая сигарета – причем тлела она, очевидно, неплохо, ибо время от времени Зуи снимал ее и делал затяжку-другую, не вполне отрывая взгляда от письма. Пепел неизменно падал в воду – либо непосредственно, либо скользил по странице. Юноша, казалось, не сознавал эдакой безалаберности вокруг. А сознавал он – хоть и едва – то, что жар воды, похоже, начинает его самого иссушать. Чем дольше он сидел за чтением – иначе перечитыванием, – тем чаще и менее рассеянно промакивал запястьем лоб и верхнюю губу.

В Зуи – будьте уверены с самого начала – мы имеем дело со сложностью, с наложением, с расщеплением, и сюда следует вставить по меньшей мере два абзаца как бы из личного дела. Для начала, это юноша мелкий и крайне хрупкий телом. Сзади – в особенности там, где виднеются позвонки, – он мог бы запросто сойти за какое-нибудь обездоленное чадо метрополии, коих каждое лето отправляют в обеспеченные пожертвованиями лагеря на откорм и загар. Вблизи анфас либо в профиль он исключительно симпатичен – даже эффектен. Его старшая сестра (коя скромно предпочитает обозначаться здесь «домохозяйкой из Такахо») просила меня описать его так: похож на «голубоглазого еврейско-ирландского следопыта из могикан, который умер у тебя на руках за рулеткой в Монте-Карло». На более общий и уж точно не такой захолустный взгляд, лицо его едва спаслось от излишней красоты, не сказать – шика, поскольку одно ухо у него торчит немного больше другого. Сам я придерживаюсь мнения, весьма отличного как от первого, так и от второго. Я утверждаю, что лицо Зуи близко к целиком и полностью прекрасному. Как таковое, оно, разумеется, уязвимо для того же разнообразия многоречиво бесстрашных и, как правило, обманчивых оценок, что и любое законное произведение искусства. Сдается мне, тут можно лишь сказать, что любая из сотни каждодневных угроз – автокатастрофа, насморк, ложь перед завтраком – сумела бы обезобразить или загрузить его избыточную привлекательность за один день или в одну секунду. Но то, что оставалось неуничтожимо и, как уже столь беспрекословно было внушено, служило своеобразной радостью навеки²⁴ – подлинный *esprit*²⁵, наложившийся на всю его физиономию, – особенно видно

²⁴ Аллюзия на строку из поэмы английского поэта-романтика Джона Китса (1795–1821) «Эндимион» (1818), кн. 1, 1:1.

по глазам, где дух этот часто останавливает взгляд, подобно маске Арлекина, а временами – и еще более озадачивая.

По профессии Зуи – актер, ведущий актер на телевидении, и является таковым уже больше трех лет. На самом деле он столь же «пользуется спросом» (и, если верить смутным косвенным сообщениям, что достигали его семьи, столь же высоко оплачивается), сколь молодому ведущему актеру на телевидении, быть может, и подобает, если он притом не звезда Голливуда или Бродвея с уже готовой национальной репутацией. Но, возможно, любое из сих утверждений без развития способно привести лишь к чрезмерно ясной линии умозаключений. Так вышло, что официальный серьезный артистический дебют на публике у Зуи состоялся в семь лет. Он был вторым младшим из первоначального состава семи братьев и сестер²⁶ – пяти мальчиков и двух девочек: всех в довольно удобно рассредоточенные интервалы их детства можно было регулярно слышать в сетевой радиопрограмме – детской викторине под названием «Что за мудрое дитя». Почти восемнадцатилетняя разница в возрасте самого старшего из детей Глассов, Симора, и самой юной, Фрэнни, весьма значительно поспособствовала семейству в резервировании, можно сказать, династического места у микрофонов «Мудрого дитяти», и занимали они его шестнадцать лет с лишним – с 1927-го едва ли не по середину 1943-го, охватом своим связывая эпоху чарльстона с эпохой «Б-17»²⁷. (Эти данные в совокупности, мнится мне, до некоторой степени значимы.) Несмотря на все интервалы и годы между индивидуальными звездными часами в программе, следует отметить (с немногими и не очень, по сути, важными оговорками), что всем семерым в эфире удавалось отвечать на изрядное количество попеременно смертельно-педантичных и смертельно-прелестных вопросов, присылавшихся слушателями, – отвечать с теми свежестью и самоуверенностью, что на коммерческом радио считаются уникальными. Публика отзывалась на детей зачастую жарко и никогда не прохладно. В общем и целом, слушатели делились на два причудливо вздорных лагеря: тех, кто полагал Глассов бандой несносно «высокомерных» маленьких ублюдков, которых следовало утопить или отправить в газовую камеру при рождении, и тех, кто утверждал, что Глассы – истинные несовершеннолетние остряки и гении необычайного, хоть и незавидного пошиба. Когда пишутся эти строки (1957), некоторые бывшие слушатели программы «Что за мудрое дитя» помнят с поразительной, по сути своей, точностью множество отдельных выступлений каждого из семерых детей. В той же редющей, но по-прежнему странно тесной группе общее мнение таково, что из всех детей Глассов «лучше всего», неизменно «полезно» в конце двадцатых – начале тридцатых годов слушать было самого старшего, Симора. После него в порядке предпочтения либо привлекательности обычно ставится самый младший в семье мальчик, Зуи. А поскольку у нас к Зуи интерес исключительно повседневный, можно понять, что его как бывшего участника викторины «Что за мудрое дитя» среди (иначе – из) прочих братьев и сестер выделяет, как в альманахе, одно. Время от времени за все годы вещания все семеро детей служили честной добычей для той разновидности детских психологов или про-

²⁵ Дух (*фр.*).

²⁶ Здесь, боюсь, нужна эстетическая пагуба примечания. Во всем нижеследующем будут непосредственно видны или слышны лишь двое младших. Остальные же пятеро – пятерка старших – будут бродить туда-сюда по сюжету весьма нередко, подобно пятерым призракам шекспировского Банко. Стало быть, читателю, возможно, с самого начала будет интересно узнать, что в 1955 г. старший из детей Глассов, Симор, – уже почти семь лет покойный. Он совершил самоубийство, отправившись в отпуск во Флориду с женой. Будь он жив, в 1955 г. ему исполнилось бы тридцать восемь. Второй по старшинству, Дружок, на жаргоне студгородков и университетских каталогов зовется «штатным писателем» в женском неполном колледже в северной провинции штата Нью-Йорк. Живет он один в маленьком, не утепленном на зиму доме без электричества примерно в четверти мили от сравнительно популярной лыжной трассы. Следующая по старшинству, Тяпа, – замужем и мать троих детей. В ноябре 1955 г. ездила по Европе с мужем и всей троицей мелких. За Тяпой по возрасту следуют двойняшки Уолт и Уэйкер. Уолт чуть больше десяти лет как мертв. Он погиб от нелепого взрыва, служа в Оккупационной армии в Японии. Уэйкер, младше его минут на двенадцать, – римско-католический священник, в ноябре 1955 г. он в Эквадоре, посещает какую-то иезуитскую конференцию. – *Примечание автора.*

²⁷ «Б-17» («Летающая крепость») – основной бомбардировщик ВВС США времен Второй мировой войны.

фессиональных педагогов, которую особо интересуют сверхскороспелые детки. Во имя сей цели, иначе – выполнения сего долга, Зуи из всех Глассов, бесспорно, наиболее алчно исследовали, опрашивали и расковыривали. Что крайне примечательно, без известных мне исключений, его опыт в таких столь различных областях, как клиническая, социальная и газетно-ларьковая психология, стоил ему дорого, словно те заведения, где в Зуи ковырялись, повсеместно кишели либо крайне заразными травмами, либо же обычными старомодными микробами. К примеру, в 1942 году (с непреходящего неодобрения двух самых старших его братьев, кои оба в то время служили в армии) его целых пять раз проверяла только одна исследовательская группа в Бостоне. (При большинстве сессий ему было двенадцать, и, возможно, поездки по железной дороге – общим числом десять – хотя бы поначалу несколько его привлекали.) Своей основной целью пять тестов, как легко догадаться, имели вычленение и, по возможности, изучение источника столь раннего остроумия и фантазии Зуи. В конце пятого теста объект был отправлен домой в Нью-Йорк с тремя-четырьмя таблетками аспирина в конвертике с тиснением – от насморка, который оказался очаговой пневмонией. Недель шесть спустя в половине двенадцатого ночи раздался междугородный звонок из Бостона, и неопознанный голос, часто позвякивая монетками, опускаемыми в обычный телефон-автомат, – предположительно, без намерения выглядеть комичным педантом – сообщил мистеру и миссис Гласс, что у их сына Зуи в двенадцать лет словарный запас в точности сравним с вокабуляром Мэри Бейкер Эдди, если мальчика удастся убедить его применять на практике.

Итак: длинное машинописное четырехлетней давности письмо, которое Зуи прихватил с собой в ванну в это ноябрьское утро, понедельник, год 1955-й, за прошедшие четыре года, очевидно, извлекалось из конверта, разворачивалось и снова складывалось в уединении слишком уж часто, а потому ныне вид имело не только *малосъедобный*, но и порвано было в нескольких местах, особенно – на сгибах. Автором письма, как уже говорилось выше, выступал самый старший из живых братьев Зуи – Дружок. Само письмо было поистине бесконечным в длине своей, цветистым, назидательным, многословным, предвзятым, увещательным, снисходительным, постыдным – и до переизбытка наполнилось нежностью. Говоря короче, именно такое письмо получатель, хочет он того или нет, будет некоторое время таскать с собой в заднем кармане. И такое профессиональные писатели определенного сорта любят воспроизводить дословно:

18/3/51

ДОРОГОЙ ЗУИ, я только что закончил расшифровку длинного письма, пришедшего сегодня утром от мамы, – сплошь про тебя, улыбку генерала Эйзенхауэра и маленьких мальчиков в «Дэйли Ньюс», которые падают в лифтовые колодцы, и когда же наконец мой телефон в Нью-Йорке **снимут** и поставят сюда, в **деревню**, где он мне действительно **нужен**. Без сомнения, единственная женщина на свете, способная писать письма с невидимым курсивом. Дорогуша Бесси. Каждые три месяца как часы я получаю от нее пятьсот слов текста про мой бедный старый личный телефон и как **глупо** платить каждый месяц Большие Деньги за то, чем никто здесь никогда больше даже не **пользуется**. Что есть поистине огромные жирные враки. Бывая в городе, я неизменно сижу и часами болтаю с моим старинным приятелем Ямой²⁸, Богом Смерти, и личный телефон для наших побрехушек необходим. Короче, будь добр – передай ей, что я не передумал. Этот старый телефон я обожаю страстно. Единственная поистине частная собственность, которая была у нас с Симором во всем кибуце у Бесси. Кроме того, для моей внутренней гармонии сущностно важно каждый год видеть Симора в дурацком телефонном справочнике. Мне нравится уверенно листать букву «Г». Будь умницей, так и передай. Не

²⁸ Яма – в ведизме, брахманизме, индуизме и буддизме бог смерти, правитель царства мертвых. Представлялся в виде старика с веревочной петлей в руке.

вполне дословно – вежливо. Будь добрее к Бесси, Зуи, когда можешь. Пожалуй, я говорю это не потому, что она наша мать, – но потому что она устала. После тридцати или около того так и будет, когда все чуточку притормаживают (даже, может быть, ты), но и сейчас старайся сильнее. Недостаточно относиться к ней с преданным зверством танцора-апаша к его партнерше – это она понимает, кстати говоря, и неважно, что ты там себе думаешь. Ты забываешь, что она цветет на сентиментальности почти так же, как Лес.

Помимо телефонных моих проблем, нынешнее письмо Бесси – вообще-то письмо о Зуи. Я должен написать тебе, что Перед Тобой Вся Жизнь и Преступно не стремиться к Ученой Степени перед тем, как ты по-крупному нырнешь в актерство. Бесси не уточняет, в какой области ей хотелось бы твоей Ученой Степени, но я предполагаю – скорее в математике, нежели в греческом, мерзкий ты книжный червячок. Как бы то ни было, я понимаю: ей хочется, чтобы тебе Было На Что Опереться, если с актерской карьерой почему-либо не сложится. Что, может быть, весьма здраво и, наверное, так и есть, но мне что-то не хочется выступать с таким заявлением самому. Сегодня, так уж вышло, один из тех дней, когда я всех в нашей семье, включая себя, вижу не в тот конец телескопа. Утром мне пришлось взаправду напрячься у почтового ящика, чтобы вспомнить, кто такая Бесси, когда я увидел ее имя в обратном адресе на конверте. Хотя бы по одной вполне веской причине: курс «Писательское мастерство повышенного уровня 24-А» загрузил меня тридцатью восемью рассказами, которые мне скрепя сердце тащить домой на выходные. Из них тридцать семь будут повествовать о робкой затворнице-лесбиянке из пенсильванских немцев²⁹, которая Хочет Писать, и излагаться от первого лица развратной борзописицей. На диалекте.

Полагаю, тебе, само собой, **известно**: несмотря на то, что все эти годы я перетаскивал свой столик литературной шлюхи из колледжа в колледж, у меня по-прежнему нет даже диплома бакалавра. Как будто сто лет уже прошло, но, мне кажется, в самом начале было две причины, почему я не стал сдавать на степень. (Будь любезен, посиди спокойно. Я пишу тебе впервые за долгие годы.) Во-первых, в колледже я был истинный сноб, каким может быть лишь бывший участник «Мудрого Дитяти» и будущий пожизненный дипломант по филологии, и мне вовсе не хотелось никаких степеней, если у всех моих знакомых неначитанных грамотеев, дикторов радио и педагогических тупиц они имеются во множестве. И вторая: Симор свою степень получил в том возрасте, когда большинство юных американцев только оканчивают среднюю школу, и поскольку мне уже поздно было догонять его хоть с каким-то изяществом, я от степени отказался. Разумеется, к тому же я в твоем возрасте точно знал, что преподавать меня не вынудят никогда, а если Музам моим не удастся меня обеспечить, я пойду куда-нибудь точить линзы, как Букер Т. Вашингтон³⁰

²⁹ Пенсильванские немцы (Pennsylvania Dutch) – американское название (*искаж.* deutsch) немецких иммигрантов, заселивших в XVII–XVIII вв. восточную Пенсильванию. По большей части принадлежали к основным ветвям протестантских конфессий, но некоторые относились к секте амишей (консервативных меннонитов). На базе их языка возник диалект немецкого, на котором говорят в восточной части штата Пенсильвания.

³⁰ Букер Толивер Вашингтон (1856–1915) – американский деятель образования, реформатор, идеолог афроамериканского сообщества. На образование себе зарабатывал тяжелым ручным трудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.